

Европа: реиндустриализация vs. деиндустриализация

© 2014 Зарицкий Борис Ефимович
доктор исторических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125468, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49
E-mail: borsar@mail.ru

Рассматриваются проблемы возрождения промышленного потенциала стран ЕС после продолжительного периода деиндустриализации.

Ключевые слова: деиндустриализация, сфера услуг, промышленный сектор, Еврокомиссия, конкурентоспособность, рейтинг, модернизация.

Деиндустриализация в западноевропейских странах достигла таких масштабов, что породила призывы к скорейшему возрождению промышленного потенциала. Еврокомиссия поставила задачу довести долю промышленного сектора в ВВП ЕС с сегодняшних 16 до 20 % к 2020 г.

Однако эксперты весьма скептически оценивают перспективы “промышленной революции” в ЕС. Стартовые позиции и возможности повышения конкурентоспособности промышленного сектора в разных европейских странах очень разные. Выработать единую, пригодную для всех стратегию реиндустриализации в этих условиях сложно.

Конкурировать европейским странам придется не только с Китаем, Индией или Бразилией, но и с Соединенными Штатами, которые тоже взяли курс на реиндустриализацию и имеют по сравнению с Европой не только более низкую стоимость трудовых издержек, но и дешевую энергию.

Возрождение европейской промышленности возможно только на базе ее глубокой модернизации с ориентацией на высокотехнологичные секторы. Но не они определяют сегодня промышленный профиль большинства европейских стран. В структуре промышленного производства стран ЕС на первом месте стоит металлообработка, на втором - пищевая промышленность. Германия, сохранившая значимое промышленное ядро, костяк которого составляют машиностроение, автомобилестроение, электротехника и химическая отрасль, выглядит на этом фоне скорее исключением, чем правилом.

Прогнозы хозяйственной конъюнктуры в ЕС не предвещают заметного оживления в экономике, а следовательно - повышения спроса. В этих условиях трудно рассчитывать на рост инвестиций в промышленность. “Для промышленного ренессанса в Европе пока не созрели условия”, - считают эксперты Deutsche Bank. Созре-

ют ли они в обозримом будущем и созреют ли вообще - большой вопрос.

После трех десятилетий неумных восторгов по поводу наступления “постиндустриальной эры”, лицо которой определяет стремительно растущий сектор услуг, творцы европейской политики неожиданно прозрели. В январе 2014 г. Еврокомиссия опубликовала специальное коммюнике “За европейский промышленный ренессанс”, в котором призвала принять срочные меры для возрождения европейской промышленности. Еще совсем недавно говорить об издержках прогрессирующей деиндустриализации считалось едва ли не признаком провинциализма. Сегодня обстановка радикально изменилась. В условиях продолжающейся стагнации в экономике ЕС и высокого уровня безработицы именно промышленному сектору Еврокомиссия отводит роль драйвера экономического роста.

Мировой финансово-экономический кризис 2007-2008 гг. нанес серьезный удар по идеологии постиндустриализма. Само возникновение кризиса в значительной мере было связано с чрезмерным разрастанием финансового сектора с его гипертрофированной спекулятивной составляющей, низким уровнем прозрачности и управления рисками. В то же время пример Великобритании, Испании, Греции и ряда других европейских стран показал, как сложно преодолевать глобальный кризис, если в стране нет мощных производственных отраслей.

Вопреки тиражировавшемуся мифу о том, что магистральным путем экономической модернизации пролегает исключительно через стимулирование наиболее перспективных секторов в сфере услуг и поэтапное свертывание материального производства, промышленность на фоне продолжающейся в Европе стагнации обнаружила вдруг в глазах европейских политиков и экспертов ряд несомненных достоинств. В специаль-

ном докладе Еврокомиссии, подготовленном на эту тему осенью 2012 г., утверждалось, в частности:

- производительность труда в промышленности в среднем на 15 % выше, чем в других секторах экономики;
- обрабатывающая промышленность оказывает исключительно положительное влияние на интенсивность научных исследований, ее доля в расходах на НИОКР частного сектора составляет более 60 %;
- в текущем экспорте стран ЕС удельный вес промышленной продукции превышает 70 %;
- современное промышленное производство стимулирует спрос на высококвалифицированную рабочую силу, способствует созданию новых рабочих мест и оказывает мультиплицирующий эффект на развитие рынка деловых услуг;
- в период 2000-2012 гг. в странах, сохранивших значимое промышленное ядро, рост ВВП был выше, чем в странах, где сокращение материального производства носило глубокий и радикальный характер.

Вывод из данного перечня “плюсов” сделал А. Таджан, вице-президент Еврокомиссии, ответственный за вопросы промышленности и предпринимательства: “Мы не можем и дальше позволять промышленности уходить из Европы, - говорил он, представляя доклад. - Имеющиеся у нас цифры не допускают двойного толкования: европейская промышленность может расти и создавать рабочие места... Совместные усилия и восстановление доверия позволят вернуть промышленность в Европу”¹.

План действий, который предложила Еврокомиссия по реиндустриализации Европы, предусматривал увеличение доли промышленности в структуре ВВП стран ЕС с нынешних 16 до 20 % к 2020 г.

Хроника деиндустриализации

Что же произошло за минувшие годы с европейской экономикой и почему вдруг евроциновники заговорили о необходимости промышленного ренессанса?

Еще в 1970 г. реальный сектор занимал в структуре ВВП Евросоюза около 27 %. К началу нового тысячелетия, в 2000 г., соответствующий показатель уменьшился, опустившись до 18,5 %. В 2013 г. он снова упал до 15,8 %.

Безусловно, ускоренное развитие сферы услуг и изменение их качественных характеристик имеют объективные причины. Стремительный рост производительности труда, структурно-технологическая перестройка реального сектора, на-

учно-техническая революция, сдвиги в приоритетах потребительского спроса - таков далеко не полный перечень факторов, которые способствовали опережающему росту сервисного сегмента в экономике развитых стран. Но попытки вписаться в мировой тренд далеко не везде оказались удачными. На практике это почти повсеместно привело к пренебрежительному отношению к промышленному производству, часто без появления адекватной замены.

Из поля зрения адептов “новой экономики” выпал, в частности, тот факт, что значительная часть сферы услуг является производной от производственного сектора и ее главное предназначение - обеспечить научно-техническим, информационным и деловым обслуживанием процесс производства на всех его стадиях. Во многих странах блестящие перспективы постиндустриального будущего так и не материализовались, а то, что пытались представить как экономическую модернизацию, привело к упадку реального сектора, на смену которому зачастую не приходило ничего. Техноутопизм, стратегическая слепота, беспечность - в таких терминах теперь уже бывший еврокомиссар по энергетике Г. Эттингер охарактеризовал причины серьезных просчетов, допущенных при проведении европейской экономической политики².

По масштабам деиндустриализации Великобритании, считавшаяся в свое время “мастерской мира”, превзошла все другие крупные государства мира. За последние тридцать лет ее промышленность сократилась на две трети. Сделано это было сознательно под лозунгом модернизации. Но что пришло на смену?

Уволенные инженеры не стали программистами, а рабочие - брокерами. Великобритания не строит теперь судов и не производит автомобили. Все без исключения британские автомарки, включая Rolls-Royce, Rover, Bentley, давно иноземны. А национальных компьютерных брендов мирового класса в стране так и не появилось. Структурные перекосы в экономике, сильнейшая зависимость от Сити, пузыри на рынке недвижимости, хронический дефицит внешнеторгового баланса - таковы, если коротко, основные итоги “модернизации”, начатой М. Тетчер и продолженной Т. Блэром.

Правительство Д. Кэмерона заявляет о необходимости возврата “к реальным ценностям”, рекламирует начатую кампанию в поддержку британской промышленности, но, как писала газета The Guardian, “оно недооценивает то жалкое состояние, в котором находится этот сектор экономики”³. В структуре ВВП Великобритании доля промышленности составляет сегодня менее 10 %.

По сравнению с 2000 г. она сократилась на 5,6 %, а по абсолютным объемам произведенной продукции спад составил 9,1 %.

В большинстве западноевропейских стран тенденция та же. Доля промышленности в ВВП за период 2000-2012 гг. больше всего упала в Финляндии - на 10,2 %, в Бельгии - на 5,9 %, в Швеции - на 5,6 %, во Франции - на 5,2 %, в Испании - на 4,6 %, в Италии - на 4,5 %. Из "старых" членов ЕС только в Германии индустриальное ядро сохранилось на прежнем уровне - 22,4 % ВВП⁴.

В странах ЦВЕ относительные показатели уменьшились незначительно, но абсолютные объемы промышленного производства выросли практически везде, за исключением Болгарии и Румынии. Сводная картина положения промышленного сектора в экономике основных стран ЕС выглядит следующим образом (рис. 1).

сдвигов в экономике были весьма ощутимы. Так, в Чехии количество рабочих мест в промышленности сократилось на 9,1 %, в Польше - только на 5,1 %, зато в Венгрии - на 20,9 %, в Словении - на 21,3 %, в Румынии - на 33,8 %⁵.

Неутешительные прогнозы экономического роста в еврозоне на фоне критических значений уровня безработицы в ряде стран (26,8 % - в Греции, 25,1 % - в Испании, 14,3 % - в Португалии, 12,6 % - в Италии при среднем уровне 11,6 % - в еврозоне) вынуждают европейских политиков заново переосмыслить роль промышленного сектора в стабилизации социально-экономической обстановки. "Наше будущее зависит от сильной, диверсифицированной и устойчивой модели роста, где промышленность играет ключевую роль... Обновленная и усовершенствованная индустриальная база сделает реальный сектор лидером экономического восстановления", -

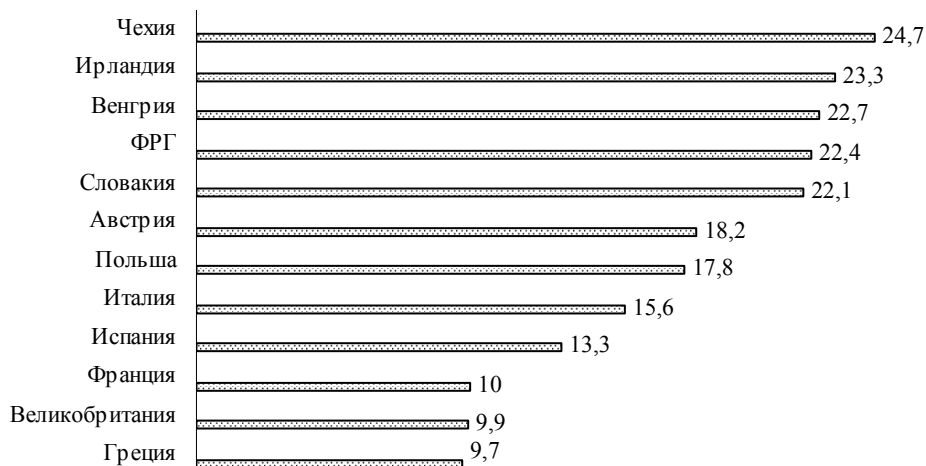

Рис. 1. Доля промышленности в ВВП, %

Источник. Eurostat.

Деиндустриализация больно ударила по занятости. Сокращение рабочих мест в промышленности было многократно усилено автоматизацией производства, которая активно внедрялась во всех отраслях. В результате в ряде стран масштабы увольнений приняли драматический характер. Так, в Великобритании с 2000 по 2012 г. число рабочих мест в промышленности сократилось на 35 %, в Португалии - на 33 %, в Ирландии - на 29,4 %, в Испании - на 22,8 %, во Франции - на 22 %. Причем почти половина сокращений пришлось на период после 2008 г., что объясняют ростом цен на электроэнергию, усложнением доступа к кредитным ресурсам, низкой готовностью к инвестициям в условиях кризиса.

В странах ЦВЕ изменения на рынке труда носили менее глубокий и болезненный характер, но и там социальные последствия структурных

заявили министры экономики пяти ведущих стран ЕС в совместной статье, опубликованной в The Washington Post⁶.

Равнение на Германию!

С точки зрения структуры экономики германская модель считается сегодня в Европе наиболее оптимальной. В значительной степени, благодаря конкурентоспособности своего промышленного экспорта, специальных правительственных мер по сохранению рабочих мест в автомобилестроительной отрасли и в машиностроении, своевременно проведенным реформам на рынке труда и умеренному росту заработной платы, Германия продемонстрировала относительную устойчивость в период финансово-экономического кризиса, прошла восстановительный период после спада в 2009 г., наводит порядок в сфере государственных финансов и имеет не-

плохие, по меркам еврозоны, прогнозы экономического роста на текущий и следующий годы (+1,8 % и +2 %, соответственно).

Говорить об очередном германском “экономическом чуде” нет оснований, но на фоне проблем, с которыми сталкивается большинство стран еврозоны, ФРГ выглядит совсем неплохо. Она остается одной из немногих стран среди “старых” членов ЕС, которые за последние пятнадцать лет сумели не только сохранить на прежнем уровне долю индустриального сектора в структуре ВВП (22,4 %), но и увеличить объем производимой промышленной продукции на 23,5 %. В Италии, например, за тот же период выпуск промышленной продукции сократился на 11,1 %, в Греции - на 10 %, в Великобритании - на 9,2 %, в Испании - на 7,4 %⁷.

Вклад Германии в промышленное производство стран Евросоюза составляет 30,5 %, что в 2 с лишним раза превышает долю Италии и почти в 3 раза долю Франции (рис. 2).

графии, востребованный на мировом рынке по товарной номенклатуре и качеству экспорт ФРГ все еще является “локомотивом” роста национальной экономики и позволяет ей выстоять даже в трудные времена. Не случайно, что Германия остается единственной крупной страной Евросоюза, имеющей устойчивое положительное сальдо по внешнеторговым операциям, в то время как Великобритания, Франция, Италия и Испания давно уже имеют не менее устойчивое превышение импорта над экспортом.

Разумеется, и Германия не осталась в стороне от процессов структурно-технологической перестройки, происходившей в мировой экономике. Повышение производительности труда, автоматизация и там привели к сокращению занятости в промышленности, правда, очень умеренному - на 4,4 % за период с 2000 по 2013 г. Часть производственных мощностей была вынесена за рубеж. Так, внутри страны сегодня Германия производит 5,4 млн легковых автомоби-

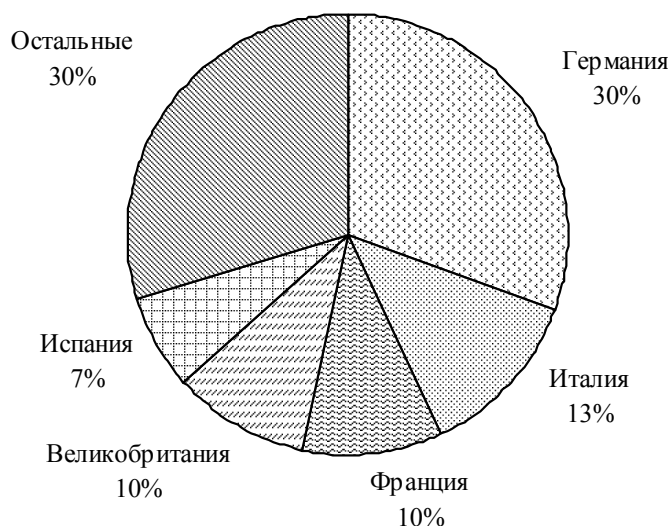

Рис. 2. Доля в промышленном производстве стран ЕС

Источник. Eurostat.

Важно отметить не только количественные, но и качественные характеристики промышленного сектора ФРГ. Речь там идет о достаточно высокотехнологичных отраслях, часть из которых по действующей в ЕС классификации попадает в хай-тек “среднего”, а часть - “верхнего” этажей. Машиностроение, автомобилестроение, электротехника и химическая отрасль, включая фармацевтику, занимают около 54 % в структуре немецкой промышленности. Такая специализация удачно вписалась в потребности по обновлению производственной базы большинства постсоциалистических и многих развивающихся стран. Достаточно диверсифицированный по гео-

лей, а за границей - 8,6 млн, из них 3,5 млн в Китае⁸.

Правда и то, что оборот концерна Siemens, например, за рубежом существенно превышает его оборот в Германии. Но среднестатистическое немецкое промышленное предприятие 62 % своей продукции производит по-прежнему дома, 21 % - в странах ЕС и 9 % - в Азии. В специализированном рейтинге промышленной конкурентоспособности компании Deloitte (Global Manufacturing Competitiveness Index 2013) ФРГ единственная из европейских стран вошла в топ-10 и заняла почетное 2-е место между Китаем и США. Примечательно, что Франция оказа-

лась на 25-м месте, Италия - на 32-м, Испания - на 33-м⁹.

То, что европейские страны сдают свои позиции в производстве промышленной продукции и не в состоянии при этом компенсировать ослабление реального сектора адекватным усилением сферы высокотехнологичных услуг, очевидно и для экспертов консалтинговой компании KPMG. Как правило, подчеркивают они, развитие высокотехнологичных сегментов в промышленности и развитие в сфере услуг идут рука об руку. Они тесно взаимосвязаны, дополняют друг друга и инновационные прорывы в одной области дают импульсы для развития в другой¹⁰. Понимает это, видимо, и новый президент Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер. Во всяком случае, в своей первой речи после избрания на данный пост в июле с.г. он много говорил о необходимости реиндустриализации ЕС, обещал в течение трех лет аккумулировать 300 млрд евро государственных и частных инвестиций для развития инфраструктуры, индустриальных кластеров, энергетики и за счет этого создать в Европе 25 млн новых рабочих мест¹¹.

Надежды и действительность

Есть две точки зрения на перспективы реиндустриализации Европы. Первая - оптимистическая. Она представлена в упоминавшемся выше меморандуме Еврокомиссии, в котором сказано много правильных слов о необходимости сделать упор на развитии высокотехнологичных сегментов промышленного производства, наращивать расходы на НИОКР в государственном и частном секторе, проводить взвешенную налоговую и реалистическую энергетическую политику, ликвидировать избыточные административные барьеры на пути создания новых предприятий, поощрять более активное участие малых и средних фирм во внешнеэкономической деятельности и т.д.

Эксперты ЮНИДО по долгу службы хвалят Еврокомиссию за правильную постановку вопроса. Добавляют в перечень приоритетных направлений промышленной политики свои рекомендации и выражают осторожную надежду, что ЕС со временем сумеет вернуть себе статус мирового промышленного лидера¹².

Составители глобального рейтинга промышленной конкурентоспособности из компании Deloitte видят картину будущего иначе. По их прогнозу, через пять лет в первой "десятке" промышленных лидеров, кроме Германии, не будет ни одной европейской страны. В "двадцатку" попадет только Великобритания и Швейцария. При этом Германия опустится со 2-го на

4-е место. Пятое займут США. Тройку лидеров возглавят Китай, Индия и Бразилия, а Нидерланды, Франция, Бельгия и Италия займут, соответственно, 24-е, 27-е, 30-е и 34-е места, что на несколько пунктов хуже их сегодняшних позиций в рейтинге¹³.

Эксперты исследовательского подразделения Deutsche Bank подошли к делу с немецкой основательностью и опубликовали в ноябре 2013 г. и в марте 2014 г. два аналитических доклада с подробным разбором перспектив практического осуществления представленного Еврокомиссией плана по реанимации европейской промышленности. Основной вывод, сформулированный в обоих документах, звучит примерно так. Еврокомиссия, поставив на повестку дня вопрос о реиндустриализации, подала полезный политический сигнал, но пути достижения поставленной цели прописаны невнятно и вряд ли она в принципе достижима в обозримом будущем, поскольку исходные позиции и потенциал повышения конкурентоспособности промышленного сектора в разных европейских странах очень разные. Выработать единую, пригодную для всех стратегию в этих условиях практически невозможно, а внесение необходимых коррективов в социальную, налоговую, энергетическую, образовательную и научную политику на национальном уровне - дело весьма затратное, требует времени, комплексного подхода и не всегда осуществимо по внутривнутриполитическим причинам.

Если конкретизировать данные общие соображения, то речь идет о следующем. Пытаться выстраивать долгосрочную стратегию ЕС в расчете на низкоценовой и среднеценовой сегменты промышленного производства - занятие бесперспективное. Стоимость труда в Европе будет всегда выше, чем в азиатских странах или в Латинской Америке, несмотря на сохраняющийся разрыв в зарплатах между "старыми" и "новыми" членами ЕС.

Помимо собственно заработной платы в стоимость трудовых издержек следует включать и социальные взносы предпринимателей, которые в большинстве европейских стран работодатели и наемные работники выплачивают на паритетной основе. Учитывая высокие социальные стандарты ЕС, конкурировать по цене продукции европейским странам придется не только с Китаем, Индией или Бразилией, но и с Соединенными Штатами, которые тоже взяли курс на реиндустриализацию и которые, кроме более низкой стоимости трудовых издержек, имеют по сравнению с Европой еще одно конкурентное преимущество - дешевую энергию. "Сланцевый газ меняет соотношение цен и тем самым обо-

стряет конкуренцию между двумя индустриальными центрами - Америкой и Европой", - убежден Р. Зеле, глава нефтегазовой компании Wintershall, стопроцентной дочки германского химического концерна BASF. Он привел данные исследования Citibank, согласно которому промышленное производство в США теперь всего на 7 % дороже, чем в Китае, и на целых 15 % дешевле, чем в ФРГ.

Вывод, который следует из сказанного выше, достаточно очевиден. Возрождение европейской промышленности возможно только на базе ее глубокой модернизации с ориентацией на высокотехнологичные сегменты, в которых конкурентоспособность конечного продукта будет определяться его новизной и уникальностью, а не стоимостью рабочей силы и энергозатрат. По мнению Еврокомиссии, речь должна идти прежде всего о фармацевтике, медицинском оборудовании, компьютерной и телекоммуникационной технике, оптических приборах, авиастроении и космической технике, производстве новых материалов и т.д.

Считается, что в отраслях со средним и высоким уровнями доли НИОКР в себестоимости продукции в странах ЕС сегодня работает в среднем от 30 до 40 % занятых в промышленности. При этом в структуре промышленного производства удельный вес хай-тека "верхнего" этажа составляет только 12 %. Характерно, что именно в этом индустриальном сегменте, несмотря на общий спад промышленного производства в ЕС

в 2008-2009 гг., уже в 2011 г. был достигнут докризисный уровень, а в 2013 г. - объем произведенной продукции вырос там на 7 % по сравнению с 2007 г.¹⁴

Проблема, однако, заключается в том, что невысокотехнологичные секторы определяют сегодня индустриальный профиль большинства европейских стран.

Германия, где промышленное ядро составляют высококонкурентоспособные на мировом рынке четыре отрасли (автомобиле- и машиностроение, химическая промышленность и электротехника) с экспортной квотой от 50 до 70 % и выше, является на этом фоне скорее исключением, чем правилом. Если автомобильная отрасль, например, занимает в ФРГ 16 % в структуре промышленного производства, то во Франции - только 4,5 %, а в Италии - 3,7 %. В шести странах "старого" ЕС (Франция, Испания, Великобритания, Нидерланды, Португалия, Греция) на 1-м месте стоит пищевая промышленность. В структуре промышленного производства стран ЕС в целом пищевая промышленность находится на 2-м месте после тоже далеко не самой наукоемкой металлообработки (рис. 3).

Понятно, что существенных сдвигов в отраслевой структуре промышленного производства невозможно добиться за короткий срок. Тем более, что стартовые позиции для осуществления таких сдвигов в разных странах очень разные. Достаточно сказать, что сегодня Евросоюз по-

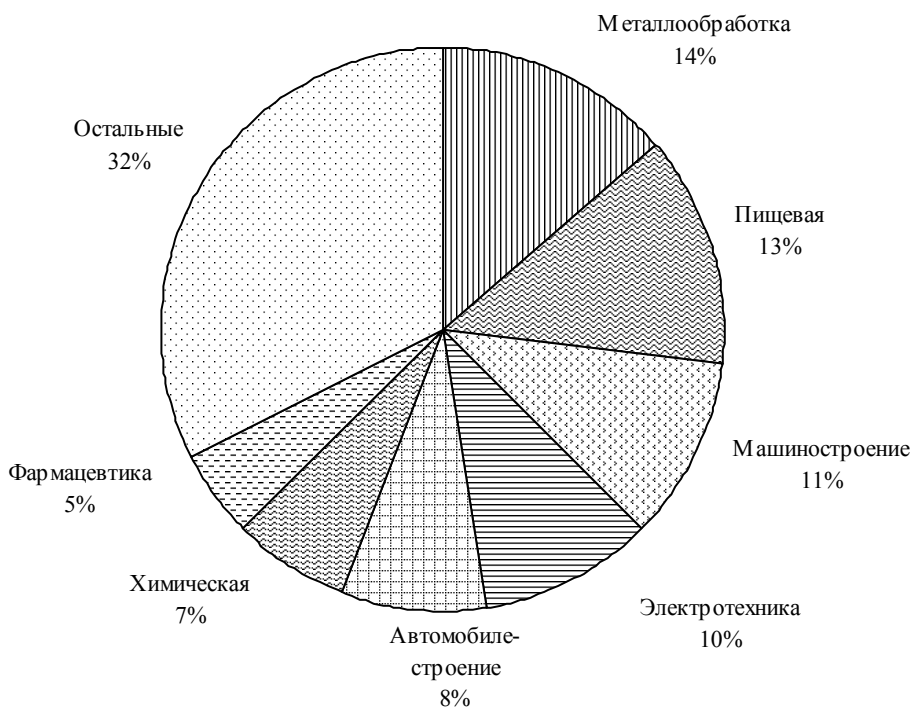

Рис. 3. Доля различных отраслей в промышленном секторе ЕС

Источник. Eurostat.

прежнему далек от достижения главной цели Лиссабонской стратегии - довести расходы на НИОКР до 3 % ВВП. Сегодня только Швеция, Дания и Финляндия сумели достичь этой планки. Германия и Австрия близки к ней. В пяти странах ЕС этот показатель ниже 1 %, а в среднем по ЕС колеблется вокруг цифры 2 %, причем в Италии существенно ниже 2 %, а во Франции - незначительно выше.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе еще два обстоятельства будут тормозить расширение доли промышленного сектора в структуре ВВП европейских стран. Во-первых, в некоторых отраслях (металлургия, автомобилестроение) сегодня наблюдается избыток производственных мощностей и речь здесь идет не об их расширении, а о частичном демонтаже. Во-вторых, прогнозы развития хозяйственной конъюнктуры в ЕС не предвещают заметного оживления в экономике, а следовательно - и повышения спроса. В этих условиях нет оснований рассчитывать на увеличение инвестиций в промышленность. "Для промышленного ренессанса в Европе пока не созрели условия", - считают эксперты Deutsche Bank¹⁵.

Созреют ли они в обозримом будущем и созреют ли вообще - большой вопрос. Европе сложнее, чем США, добиться возрождения промышленности. Во-первых, она нуждается в нормативно-правовой базе, подчеркнута ориентированной на поддержку бизнеса, в гибком рынке труда, низких налогах, умеренных зарплатах, тесно увязанных с ростом производительности труда. Все эти вопросы, политические по своей сути, относятся к национальной компетенции, и выработка общей стратегии здесь весьма проблематична.

Во-вторых, Европа, заикленная на ускоренном внедрении "зеленой" энергетики и защите климата, пока далека от того, чтобы найти разумный баланс между приоритетами экологической политики и приемлемой стоимостью электроэнергии, финансирование которой в той же Германии ложится тяжелым бременем на потребителей - домашние хозяйства и промышленные предприятия.

Наконец, в-третьих, введение евро, как показала практика, не способствовало сближению уровней экономического развития стран ЕС, а, наоборот, усугубило эти различия. Объективные возможности для становления высокотехнологичных, конкурентоспособных, ориентированных на экспорт промышленных кластеров на севере и юге, на западе и востоке Европы настолько отличаются, что рассчитывать на появление какого-то реалистического плана реиндустриализации

под эгидой Еврокомиссии - значит выдавать желаемое за действительное.

Скорее всего, события будут развиваться по инерционному сценарию. Германия сохранит свое место в группе промышленных лидеров. В странах Северной Европы могут появляться отдельные узкоспециализированные высокотехнологичные кластеры (как это было, например, в Финляндии), но никакой "промышленной революции" не произойдет. На юге Европы, за исключением, пожалуй, Испании, вернуть вспять процесс промышленной деградации вряд ли удастся. В странах ЦВЕ крупные европейские концерны уже разместили все те производства, где трудовые издержки играют определяющую роль. Серьезных причин для их расширения в нынешних условиях нет, для возвращения "домой" - тоже. При этом вынос части производства за пределы ЕС - прежде всего для освоения перспективных рынков в Азии и США - продолжится.

¹ Промышленная революция возвращает производство в Европу // ЮНИДО в России. 2013. □ 11. URL: http://www.Unido-Russia.ru/archive/num11/art11_20.

² NEWSpb.su/2013/23-13-06-2013/что-с-нами-произошло-48-курс-США-и-Европа.

³ Why doesn't Britain make things any more?// The Gardian. 2011. 16 Nov. URL: <http://www.lenta.ru/articles/2011/11/18/industrydeath>.

⁴ Deutsche Bank Research. Re-Industrialisierung Europas: Anspruch und Wirklichkeit. 2013. 4 Nov. S. 2-4.

⁵ Ibid. S. 5-6.

⁶ Миру грозит деиндустриализация. URL: <http://www.oblast45.ru/publication/4389>.

⁷ Re-Industrialisierung Europas. S. 7.

⁸ Deutsche Bank Research. Zukunft des Automobilstandorts Deutschland. 2014. 17 Apr. S. 2.

⁹ Global Manufacturing Competitiveness Index 2013. URL: http://www.compete.org/nef/Council_GMCI.2012.pdf.

¹⁰ KPMG. The 2014 Global Manufacturing Outlook: Performance at the crosshairs. URL: <http://www.Kpmg.com./UK/en/Issues And Insights/Articles Publications/Documents/PDF/Market %20Sector/global-manufacturing-outlook-performance-crosshairs.pdf>.

¹¹ В экономику ЕС предлагают вложить 300 млрд евро. URL: <http://gigamir.net/money/pub/939301>.

¹² Промышленная революция возвращает производство в Европу. URL: <http://gigamir.net/money/pub/939301>.

¹³ Global Manufacturing Competitiveness Index 2013. P. 3.

¹⁴ Deutsche Bank Research. Europaeische Industriepolitik: Handlungsspielraeume kurzfristig begrenzt. 2014. 19 Maerz. S. 4.

¹⁵ Re-Industrialisierung Europas. S. 30.